

Владимир Одоевский

Imbroglia

Владимир Федорович Одоевский

Imbroglia

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645535
Владимир Федорович Одоевский. Избранное: М.; 2011*

Аннотация

«Один из моих приятелей сообщил мне описание странного приключения, случившегося с ним во время его путешествия по Италии. Мой приятель не автор и не умеет рассказывать красно и витиевато; желаю, чтоб интерес самого происшествия заменил для моих читателей красоту рассказа. Повторяю, мой приятель не автор, но простой путешественник, турист, для очистки совести принявшийся за перо...»

Содержание

Владимир Федорович Одоевский Imbroglia¹

Из записок путешественника

(Один из моих приятелей сообщил мне описание странного приключения, случившегося с ним во время его путешествия по Италии. Мой приятель не автор и не умеет рассказывать красно и витиевато; желаю, чтоб интерес самого происшествия заменил для моих читателей красоту рассказа. Повторяю, мой приятель не автор, но простой путешественник, турист, для очистки совести принявшийся за перо.)

Солнце уже заходило. Пароход наш летел стрелою. Неаполитанский залив открывался во всем своем величии. Пассажиры бросились на палубу. Хотя мы уже седьмой день все больше и больше подвигались под итальянское небо, но при виде берега оно показалось нам еще прекраснее. Я не буду описывать наших восклицаний, наших восхищений, нашей радости: надобно испытать ее.

Дым из парового котла, как будто сердясь на долгое за-

ключение, с шипением и брызгами выскочил из трубы; колеса замерли; нас окружили тысячи лодок. Путешествуя без слуги, я взвалил на плечи свой маленький чемоданчик и бросился в одну из них.

– Alle crocelle a Santa Lucia², – сказал я гребцу, справившись со своим Guide de voyageur³, какой трактир всех дешевле.

– Si, signore⁴, – отвечал лодочник и сильно взмахнул веслами.

Добравшись до трактира, я занял первую мне попавшуюся комнату, сбросил скорее с плеч котомку, отдал мои бумаги трактирщику и со всем нетерпением северного жителя выбежал на улицу, чтоб насладиться роскошной итальянской ночью и величественной картиной, бывшею у меня перед глазами. Долго бродил я по улицам и нечувствительно дошел до Villa-reale, на берег моря. Все поражало меня, все приковывало мое внимание, – и архитектура зданий, и новая для меня одежда, и черты лиц, опаленных солнцем. Я прислушивался к пению рыбаков, к повестям их рассказчиков, заходил в церкви, заглядывал в окошки домов – словом, наслаждался вполне, как только может наслаждаться человек, внезапно через море перенесенный из далекого севера в поэтическое отечество Тасса. В этом наслаждении я не замечал

² Причальте к Санта Лучиа (*итал.*).

³ Путеводителем для путешественников (*франц.*).

⁴ Слушаю, господин (*итал.*).

времени, как вдруг небо потемнело; тут я вспомнил, что в южных странах не бывает сумерек и что мне, иностранцу, легко можно заблудиться; впрочем, других опасностей я не предвидывал, время романических приключений прошло и для Италии; грозных, поэтических разбойников уняла полиция; к тому же мой небогатый наряд и еще менее богатый кошелек не могли обратить на себя корыстолюбивого внимания. Я подумал и решился поверить мой орган местной памяти – добраться до ночлега, никого не спрашивая. Признаюсь, мне почти хотелось не найти моего трактира, чтоб иметь случай провести ночь под открытым небом. Но не успел я пройти несколько шагов, как почувствовал, как две сильные руки схватили меня сзади; в ту же минуту другие две руки накинули мне платок на лицо и затащили так крепко, что я не мог даже закричать, не только видеть, кому вздумалось так забавляться надо мною.

Было не до шуток, когда я почувствовал, что мне связали руки и ноги и потащили Бог знает куда с большой быстротою. Всякое сопротивление было тщетно; я позволил делать с собою все, что было угодно моим носильщикам, и с нетерпением ожидал развязки этого странного приключения. Наконец мы остановились. Послышался шум весел, и я скоро почувствовал, что нахожусь в лодке. Это меня несколько успокоило. «Если бы я был взят разбойниками, – подумал я, – то они не стали бы столько со мною церемониться». Но тут мне пришли в голову рассказы о людях, которые были задержа-

ны шайкою воров и могли освободиться только посредством большого выкупа, в ожидании которого *ibravi*⁵ занимаются обрезыванием носов и ушей у жертв своих. От этой мысли дрожь у меня пробежала по членам: понятие о богатстве русских, которое имеют в Италии; мое слишком недостаточное состояние; уверенность, что я не легко могу освободиться от бездельников и что, может быть, очень горькая участь меня ожидает, – все это стеснилось в голове моей и рисовало картину ужасную. Но тут я вспомнил, что никогда не слыхано о подобных приключениях в Неаполе, и снова начал теряться в догадках. Тщетно хотел я прислушаться к разговору моих товарищей: они хранили глубокое молчание. Наконец лодка причалила к берегу, снова мои проводники подняли меня на руки, пронесли несколько шагов, – я услышал скрип дверей и почувствовал, что меня тащат по лестнице. Послышались звуки нескольких голосов; ближе, ближе; наконец сильная рука схватила меня за грудь и грубый, задыхающийся от гнева голос проговорил:

– *Scelerato!*⁶

Между тем развязали мне ноги, протащили еще несколько шагов, и раздался крик женщины. В эту минуту повязка, закрывающая мое лицо, была сорвана, и я увидел себя в комнате, обитой черным сукном, – перед собой молодую прекрасную женщину в черном платье, которая бросилась в

⁵ Разбойники (*итал.*).

⁶ Негодяй! (*итал.*)

мои объятия и вдруг отступила, встала на колени и с радостным криком начала благодарить Бога. Возле меня стоял человек пожилых лет, с обнаженным кинжалом в руке, и еще другой, уже поседевший.

– Тщетно ты хочешь обмануть нас, – сказал первый по-итальянски, обращаясь к молодой женщине, – вместо этих сцен лучше спешి проститься с ним; его последняя минута наступила.

Молодая женщина ничего не отвечала: она смотрела на меня и, казалось, была в нерешимости. Наконец она как бы превозмогла себя и вскричала:

– Судьба обманула вас; это не он.

Тут я постарался вспомнить те слова, которые слышал в итальянских операх, и, запинаясь каждую минуту, сказал почти следующее:

– Я вижу, милостивые государи, что я здесь жертва какого-то недоразумения и что вы меня принимаете за другого. Я не буду говорить вам, как противно чести нападать на безоружного человека...

– Тут не о чести дело, – вскричал старик с гневом. Однако ж мой иностранный выговор, казалось, поразил их: я видел на их лице недоумение.

– Я иностранец, милостивые государи, – продолжал я.

– Неправда! – вскричали оба.

– Я сейчас только с парохода.

– Это мы знаем.

– Я офицер русской службы.

– И это мы знаем; мы знаем все твои обстоятельства.

– Если так, милостивые государи, то я уже решительно не понимаю, зачем я здесь. Я никогда не бывал в Италии, даже не имею здесь ни одного знакомого. Я русский, милостивые государи, повторяю вам и прибавлю, что мое правительство не потерпит, чтоб мне была нанесена какая-нибудь обида...

Мои странные фразы, мой иностранный выговор, видимо, поражал их; они смотрели в нерешимости то друг на друга, то на молодую женщину, которая, сидя в креслах, спокойно ожидала окончания нашего разговора.

– Покажите ваши бумаги? – сказал мне один из незнакомцев.

Тут я вспомнил, как неосторожно поступил я, оставив свои бумаги у трактирщика и не побывавши прежде у нашего посланника. Как бы упавший с неба посреди людей, мне совершенно незнакомых, в стране иноземной, не знаемой никем из моих соотечественников, я был в полной власти моих гонителей.

– Мои бумаги остались в трактире, – отвечал я. – Вы можете об них справиться.

– Прекрасная выдумка! Вы знаете, что мы не можем об них справляться.

С этими словами незнакомец расстегнул мой фрак, без церемонии опустил руку в карман и вынул из него случайно оставшуюся в нем записку одного из моих приятелей, писан-

ную по-русски.

– Язык, на котором писана эта записка, – сказал я, – может вам доказать, что я не тот, за кого вы меня принимаете.

– Эта записка ничего не доказывает; мы повторяем: нам известно, что вы приехали из России. Скажите, если вы в самом деле иностранец, что заставило вас остановиться не в таком трактире, где обыкновенно останавливаются иностранцы? что вас заставило так поспешно выскочить из парохода? зачем вы бегали по улицам? чего вы смотрели в окошках?

Кровь моя взволновалась, но я постарался скрыть свою досаду.

– На эти вопросы, – сказал я, – может, должно было бы мне отвечать вам также вопросом: какое вы имеете право требовать от меня отчета? Но в положении, в котором нахожусь, я скажу вам, что все эти, по-видимому, странные обстоятельства легко объясняются нетерпением путешественника, из дальней страны в первый раз попавшему в Неаполь, где, признаюсь, он не ожидал себе такого приема.

– Это все выдумки, – вскричали незнакомцы. – Мы не ребята; нас обмануть трудно, и это вы сейчас увидите.

С этими словами старик вышел из комнаты. Прошло несколько минут в совершенном молчании; мои руки все еще были связаны, и младший из незнакомцев все стоял подле меня с обнаженным кинжалом. Он наблюдал каждое мое движение. Тяжка была для меня эта минута; я задыхался от различных чувствований, волновавшихся в моем сердце. Ес-

ли б это состояние еще несколько продолжилось, я бы не вытерпел и, несмотря на неровность сил, постарался бы, хоть с потерей жизни, выйти из моего странного положения; но дверь отворилась, и лицо, как мне казалось, старой женщины, закрывавшейся платком, выставилось из-за двери.

– Это не он! – сказала она, взглянув на меня, и скрылась.

Крик досады вырвался из груди двух мужчин; они отошли в сторону и начали тихо разговаривать между собою. Мало-помалу голос их возвышался, и из слов, отражавшихся от сводов залы, мог я заключить, что я слишком много знал для их безопасности. Бездельники спорили, что будет лучше – оставить ли меня в живых, или бросить в море.

Минута была решительная, и я сказал им:

– Вы, кажется, уверились теперь, господа, что я не тот, кого вам надобно. Как ни обидно мне то положение, в которое вы меня поставили, и как бы ни хотел я потребовать у вас отчета в ваших со мною поступках, но я вхожу и в ваше положение: я могу вам дать слово, что если вы отпустите меня, то я сохраню все происшедшее в ненарушимой тайне: она умрет вместе со мною.

Они посмотрели на меня, снова отошли в сторону и снова заспорили.

– Я должен вам напомнить, – продолжал я, – что для вашей же собственной пользы вам гораздо безопаснее положиться на честное слово благородного человека, нежели скрыть это преступление новым преступлением. Я не имею

никакого интереса узнавать вашей тайны, и через несколько дней оставлю Неаполь, разумеется, навсегда. Смерть же моя рано или поздно может довести то открытия тайны; мои бумаги, вероятно, уже известны полиции; мои соотечественники, приехавшие со мною на пароходе, русское посольство употребят, уверяю вас, все возможные средства для открытия истины. Я оставляю вам на суд, что для вас выгоднее.

Эти слова, кажется, произвели над ними некоторое действие; они снова отошли в сторону, но разговор их сделался гораздо спокойнее. Наконец молодой человек подошел ко мне.

– Действительно, милостивый государь, – сказал он мне, – мы ошиблись.

Странный случай открыл вам до некоторой степени тайну нашего семейства. Собственная наша безопасность заставляла бы нас прибегнуть к самому верному средству для сохранения этой тайны; но мы хотим лучше верить вашему честному слову. Мы решились отпустить вас, милостивый государь; но знайте, что с этим происшествием связана участь знатнейших фамилий Италии; что малейшая ваша нескромность будет в ту же минуту наказана смертию. Случившееся с вами сегодня может показать вам, что мы имеем все нужные для того способы. Вы должны нам поклясться всем, что для вас есть святого в жизни: вашей родиной, вашими родными, вашей честью, что вы нигде, никогда, ни в каком случае, ни на исповеди, ни в терзаниях пытки, ни сло-

вом, ни движением не только не откроете всего с вами происшедшею, но даже не будете стараться объяснить его себе или даже встретиться с кем-либо из нас.

Делать было нечего – я поклялся.

– Теперь вы свободны, – сказал молодой человек, – вассию минуту отвезут на вашу квартиру; но вы извините нас, если мы принуждены будем принять прежнюю предосторожность и завязать вам глаза. Руки ваши останутся свободны; мы полагаемся на ваше благородство и верим, что вы не сделаете ни малейшего усилия поднять повязку.

Я позволил делать все, что им было угодно.

– С этой минуты, – продолжал молодой человек, – мы как будто бы никогда не существовали друг для друга. Старайтесь, советую вам для вашей пользы, истребить из памяти даже черты лиц наших. С нашей стороны для вас великая жертва; умейте ценить ее.

Две сильные руки снова взяли меня под мышки, снова мы сошли несколько ступеней лестницы; снова закрипели двери, снова я услышал шум весел и почувствовал качание лодки. Мои проводники по-прежнему погрузились в глубокое безмолвие.

Уже довольно долго продолжалось наше плавание; я уже думал, что приближается минута моего освобождения, как вдруг между моими проводниками я заметил некоторое движение.

– Здесь кто-то есть, – сказал шепотом один голос.

– Это свернутый парус, – отвечал другой.

– Нет, здесь что-то живое, – возразил первый. После минуты безмолвия я услышал крик, шелест скользнувшего кинжала, слабый стон умирающего.

– Стой! стой! – закричали вокруг нас несколько голосов.

Это было уже слишком: я не вытерпел, сорвал с себя повязку. Луна светила, – у ног моих лежал окровавленный труп! Я еще не мог прийти в себя при виде ужасного зрелища, как лодка, на которой я находился, была примкнута крючьями к другой, из которой в то же мгновение выскочили незнакомые мне люди, по мундирам которых я догадался, что то должны быть полицейские служители. Проводников моих уже в лодке не было; несколько выстрелов, сделанных солдатами, заставили меня заключить, что мои прежние знакомые бросились в море.

Новые мои знакомые не оставили мне ни минуты на размышление, не дали мне выговорить ни слова, а без церемоний связали мне руки и положили в полицейскую барку. На вопрос мой, куда они везут меня!

– Туда, – отвечал мне один из сбиров, – куда обыкновенно возят таких храбрых молодцов, как ты.

В этом ответе не было для меня ничего утешительного. На все мои слова, на все доказательства, что я ничего не понимаю в этом происшествии, мне отвечали, что это не их дело и что завтра разберут все по порядку.

Лодка причалила к берегу; мы вышли и, прошед недале-

ко по каким-то переулкам, остановились перед большим зданием, возле которого стояли часовые. Огромные железные двери поворотились на своих веревках передо мною, но едва подвели меня к ним, как не знаю кто-то сунул мне в руку небольшую бумажку: я машинально сжал ее в руке и продолжал следовать за провожатыми, думая, что наконец встречу кого-нибудь, с кем можно будет объясниться; но мое ожидание было тщетно. Провожатые поворотили в маленький коридор, открыли небольшую низенькую дверь, втолкнули меня в нее, дверь захлопнулась, – за мной заперли несколько дверей. Тщетны были бы все мои крики; я решился терпеливо ожидать конца моей участи. Я посмотрел вокруг себя: то была маленькая четверугольная комната, без постели, без стула, даже без окон; небольшое отверстие, сажени две от полу, с железною решеткою, пропускало в комнату свет от фонаря, находившегося снаружи. Когда вокруг меня воцарилось совершенное безмолвие, прерываемое иногда шагами часового, а иногда стонами, как бы выходившими из соседственных комнат, я решился подойти к светлomu кругу, производимому отражением тусклого фонаря, развернул записку и с трудом разобрал в ней следующие слова: «Не забывайте данного вами обещания и будьте спокойны».

Признаюсь, эта записка мало меня порадовала. Я видел в ней только странную цепь, которая привязывала меня к кровавой тайне; второй половине записки я доверял мало.

И грустно мне было, и досадно, и холодно; я не мог да-

же ходить по моей итальянской квартире: пол был вымощен плитой; я беспрестанно посклизался от находившейся на нем сырости. Удушливый воздух захватывал дыхание, сырость проникала члены, и холодный пот лился с меня градом.

Вся твердость меня оставила: в отчаянии я прислонился к стене, покрытой плесенью, и горькие размышления взволновали во мне душу.

«Вот судьба человеческая! – думал я. – Каких препятствий не должен был я преодолеть для этого путешествия? В продолжение нескольких лет я трудился, откладывал деньги, отказывал себе во всем, чтоб сохранить небольшую сумму – все для того, чтоб видеть Италию; с тою мыслию засыпал и просыпался; наконец достиг желаемой цели, оставил отечество, родных, друзей, все милое моему сердцу... Для чего? Чтоб едва не лишиться жизни, испытать все возможное уничтожение от каких-то бездельников; чтоб мне, отворачивавшемуся от порезанного пальца, видеть у ног своих человека, плавающего в крови, и в заключение попасть в тюрьму, быть почти обвиненному в уголовном преступлении и провести первую ночь в Италии на голом полу, под заплесневелым сводом... И кто знает, что еще ждет меня?» Мысли мои делались час от часу мрачнее; я понял защитников исправительной системы, которые советуют запирать преступника в темную комнату и удалять его от всякого сообщения с людьми: ничто так не погружает человека в самого себя, ни-

что так не переносит в мир отвлеченных понятий, как одиночество, темнота, безмолвие. Я, веселый, беззаботный житель столицы, для которого наем квартиры был самой отвлеченною в жизни идеей, – я вдруг обратился в философа, и неожиданно дошел до самых важных вопросов человеческой жизни, которыми заниматься мне до сих пор казалось пустым педантизмом или мечтами, ни к чему не ведущими.

Скоро усталость, однообразные шаги часового погрузили меня в род дремоты. Мысли мои час от часу мешались более, соединяясь с полугрезами: то холодные руки хватили меня за плечи, то ледяная гора скользила по моим щекам, то являлись безжизненные, свинцовые лица, – и из глаз их по синим бороздам катились кровавые слезы, растягивались и паутиною обвивались вокруг меня; то мне казалось, что я был прикреплен к маятнику огромных часов и при каждом взмахе тщетно старался прицепиться за скользящую стену: я просыпался и засыпал беспрестанно. Не знаю, как долго находился я в этом состоянии; когда я пришел в себя, то очень удивился, что шаги часового, единственный признак жизни в этом ужасном безмолвии, прекратились. Вероятно, это самое обстоятельство заставило меня и проснуться. Но мое удивление еще увеличилось, когда я почувствовал, что стена за мною движется. Сначала я подумал, что это мечта расстроенного воображения; но, привстав, явственно увидел, что кирпичи в стене точно шевелятся. Невольное чувство заставило меня к ним прикоснуться. Я очень легко вы-

нул один из них; и едва я его вынул, как в отверстии показался железный лом. Незнакомый голос шепотом говорил мне по-итальянски: «Русский, русский». Впросонках, не будучи в состоянии отдать себе отчета в своих мыслях, я, по невольному движению и по естественному, сильному желанию выйти из темницы, схватился за лом и начал обрушивать остальные кирпичи; но в самую эту минуту двери моей темницы с шумом отворились, из отверстия раздался крик, послышались выстрелы, тревога. Я увидел себя окруженным тюремщиками. Тут уже мне говорить было нечего: лом был в моих руках!.. Желание бежать – явно!.. И я, в совершенном ослаблении сил, позволил себя связать, не говоря ни слова. Из этой комнаты меня перевели в другую, еще ужаснейшую первой: в ней была едва сажень в длину и ширину. Меня бросили на пук гнилой соломы и приковали к ввернутой в стену цепи. Эта комната не имела никакого отверстия, кроме небольшой скважины в двери, в которую беспрестанно выставлялось лицо часового. Несколько часов провел я в этом ужасном состоянии; мысль, что я своим побегом дал себе вид преступника, беспокойное положение, в котором я находился, не позволяли мне свести глаз ни на одну минуту. Наконец я заметил какой-то белесоватый свет в отверстии двери, по которому догадался, что наступило утро.

Этот свет был большим для меня утешением. «Чем бы это ни кончилось, – думал я, – по крайней мере я выйду из мучительного положения!» Действительно, через несколь-

ко времени послышался шум, дверь отворилась, вошедшие сбиры отперли пояс, приковылавший меня к стене, и, окружив меня, с обнаженными саблями, вывели из тесного ночлега; мы прошли несколько коридоров и очутились во внутреннем дворе тюремного замка. Солнце всходило, легкий ветерок обвевал меня теплым воздухом, и я понял то чувство, которое ощущают люди, выходящие из долгого заключения на светлое небо.

Скоро мои провожатые ввели меня в комнату, где за столами сидели писцы. Мы прошли мимо их; они едва подняли головы – вероятно, им были в привычку такие явления. Наконец провожатые ввели меня в комнату, где за большим столом сидел человек в черном фраке, довольно тучный, который, прищуривая свои маленькие глазки, спросил мое имя. Я сказал ему имя и прибавил, что нахожусь в таком странном положении, которое могу объяснить только русскому посланнику. В ту же минуту мой новый знакомец отправил чиновника за моими бумагами и потом, обратясь ко мне, сказал:

– Желанье ваше видеть русского посланника будет исполнено, если, разумеется, он согласится на вашу просьбу. Но я должен вас предупредить, что если вы и в самом деле тот, за кого вы себя выдаете, то ваш посланник не будет иметь права и даже не захочет вмешиваться в дело смертоубийства. Во всяком случае, вы будете судимы по законам той земли, в которой вы находитесь, и никто на свете не будет в состо-

янии спасти вас от участи, ожидающей смертоубийцу. Одно добровольное ваше признание, и если вы назовете ваших соумышленников, возможно несколько смягчить строгость законов.

– Смертоубийцу? – вскричал я, – соумышленников? Но, именем Бога, кого же умертвил я?

– Вы знаете, что вас застали над трупом полицейского чиновника, который был отправлен для наблюдения за приготовившимся злодеянием.

– Милостивый государь! – отвечал я, – я не мог убить никого, потому что сам находился пленником на той же лодке, на которой меня застала полиция.

– Пленником? Но чем вы это докажете?

– Тем, милостивый государь, что я сидел в лодке с завязанными глазами.

Судья взял лежавший на столе кусок полотна, в котором я узнал бывшую на мне повязку; приложил ее к моему лицу, стараясь сохранить оттиски, на ней оставшиеся, и действительно увидел, что они приходились мне по мерке.

– Это доказательство, правда, несколько служит подтверждением ваших слов; но зачем и каким образом вы попались на эту лодку?

– Этого я не могу сказать вам. Я дал страшную клятву честного человека никому не открывать этой тайны.

– Вы можете сами рассудить, – сказал мне судья, – что это обстоятельство увеличивает подозрение правосудия, тем

более что в нынешнюю ночь было сделано покушение освободить вас. Это не могло быть сделано без вашего согласия – что, впрочем, доказывается и тем положением, в котором вас застали.

Я старался объяснить сколько мог, что я не имел понятия о людях, желавших освободить меня; старался объяснить то невольное чувство, которое, в минуту пробуждения от сна, заставило меня против собственной моей воли способствовать неизвестным моим освободителям, – но я сам чувствовал, что все слова мои были темны. Между тем принесены были мои бумаги; посмотрев их, судья сказал мне:

– Действительно, по вашим бумагам я вижу, что вы иностранец, вчера только вечером приехавший в Неаполь, и что невероятно предполагать в вас убийцу неизвестного полицейского чиновника; но вы согласитесь сами, что обстоятельства дела вашего так странны: правительство не будет в состоянии оправдать вас, если вы не дадите нужных объяснений. Напишите письмо к вашему посланнику: может быть, он убедит вас быть откровеннее.

Я благодарил судью за его участие ко мне и поспешил написать письмо. Когда я его окончил, судья сказал мне: – Ваше письмо будет сию минуту отправлено; в ожидании ответа вы извините нас, если мы должны соблюсти меры предосторожности, которые обыкновенно принимаются в этих случаях.

Меня отвели в прежнюю мою комнату, но цепей уже более

не надевали.

Через несколько минут я получил позволение явиться к посланнику, однако ж в сопровождении жандарма. Посланник принял меня как нельзя лучше и, имея уже обо мне сведения как по письмам, так и по словам моих товарищей на пароходе, вошел совершенно в мое положение; понял то чувство чести, которое воспрещало мне открыть всю тайну, однако ж сказал мне, что все, что он может сделать в мою пользу, – это засвидетельствовать перед неаполитанским правительством о моем звании и о моем поведении. Он присовокупил, что все прочее он должен будет предоставить на произвол туземных судилищ.

Все это, признаюсь, мало меня утешало, особливо когда, при выходе от посланника, я был приглашен жандармским офицером в прежнюю карету. «Чорт возьми! – думал я, – за делом я приехал в Неаполь. Прекрасное лечение – ходить для здоровья под обнаженными шпагами и дышать заплесневелым воздухом тюремных замков!» По возвращении в мою печальную квартиру мне отвели комнату несколько лучше прежней. На этот раз все предосторожности ограничились лишь моим честным словом, что я не предприму ничего предосудительного до решения моей участи. В таком положении я провел день до вечера, и одно захождение солнца напомнило мне, что уже более суток у меня ничего не было в желудке: так сильное движение чувств может победить в человеке физические потребности! Но едва я вспомнил об

этом, как в ту же минуту почувствовал жесточайший голод, и принесенные запачканным сбиром несколько волокон макаронов показались мне самым вкусным блюдом, которое когда-либо мне попадалось в продолжение жизни. Таков был мой первый обед в Неаполе. Я не успел еще окончить скудного пиршества, когда снова вошел ко мне полицейский офицер.

– Ваш посланник, – сказал он. – принял вас на свое поручительство; с сей минуты вы свободны, но потрудитесь прежде подтвердить подписью ваши словесные показания пред судьей нынешним утром, равно и подписать обещание по первому позыву являться в суд.

Я подписал все, чего хотели, и вне себя от радости выскокил из места своего заключения. Я не хотел более оставаться в том трактире, который был виною моего несчастного приключения и в тот же день переехал, или лучше сказать, перенес мою котомку в другой, *alla Vittoria*, у самых ворот прелестной *Villa Reale*. Не успел я отдохнуть, как вошедший трактирщик подал мне небольшой сверток.

– От кого? – спросил я.

– Не знаю, – отвечал он мне.

Признаюсь, с большим неудовольствием развернул я этот сверток, – так я был напуган всякою таинственностью.

В свертке находился перстень старинной работы, на котором изображены были какие-то, как мне казалось, египетские фигуры – змея с львиной головою, какой-то сосуд,

непонятные знаки и буквы. При перстне находилась записка: «Вы сами, не зная того, спасли жизнь одной особы. Люди, которые одолжены вами, боялись оскорбить вас денежною платою; но они надеются, что вы не откажетесь принять, в знак памяти, прилагаемый при сем перстень. Он когда-нибудь может вам пригодиться; сверх того, как вы сами можете заметить, этот перстень принадлежит к числу таких редкостей, которыми дорожат ваши соотечественники и которые не приобретаются деньгами. Однако ж до некоторого времени вы хорошо сделаете, если никому не будете его показывать. Мы боимся снова нарушить ваше спокойствие».

Малознакомый с древностями, я едва обратил внимание на чудесный перстень и чуть не выбросил его из окошка, — так одна мысль обо всем, относившемся к моему приключению, обдавала меня холодом; однако по некотором размышлении я положил перстень в свой бритвенный ящичек.

Я провел несколько дней в совершенном уединении, ожидая нового посещения полицейского чиновника, но он не являлся: не знаю, ходатайство ли посланника, интриги ли моих незнакомых друзей-врагов были причиною тому, что меня оставляли в покое? Наконец я ободрился. Журналы, которые приносил мне трактирщик, толковали о новой певице, приводившей в восхищение весь Неаполь. Я решился отправиться в Сан-Карло. Сходя с лестницы трактира, я заметил сошедшего с верхнего этажа низенького старика, в черном фраке, напудренного; во всей его особе было какое-то

странное беспокойство; переступая ступени, он весь шевелился; его руки, ноги, нос, глаза, все было в каком-то движении. Смотря на него, можно было подумать, что он чему-то раз в жизни удивился и навек застыл в этом положении. Все эти наблюдения я уже сделал впоследствии, а в ту минуту взглянул на него с тем равнодушным любопытством, с каким смотришь на соседа, ибо по разговору его со встретившимся трактирщиком я догадался, что мой старик живет со мной в одном доме. Не желая заводить новое знакомство, я пошел своей дорогой. Прощед несколько улиц, я оборотился и, к чрезвычайному моему удивлению, увидел, что мой старик следует за мною. Напуганный всем со мною случившимся, я очень был недоволен этим сообществом. Желая избавиться от моего провожатого, я подошел к первому встретившемуся человеку и просил его указать мне ближайшую дорогу в Сан-Карло. В эту минуту старичок догнал меня и, услышав мой вопрос, сказал с чрезвычайною быстротою: «Вы идете в Сан-Карло? Вы, верно, иностранец? Вы не знаете дороги? Я иду туда же... угодно вам идти вместе со мною?»

Отказаться было невозможно. В продолжение дороги мой старик говорил беспрестанно; закидал меня вопросами, не дожидаясь ответов; успел мне рассказать, что он большой любитель древностей, имеет большое собрание монет, живет со мной в одном доме; что сегодня на театре будет играть певица, которая давно уже не являлась на сцене; что в России должно быть очень холодно; что в нашем трактире стол

не всегда хорош; что у синьоры Грандини в голосе две или три ноты фальшивых; что он сам умеет делать прекрасные макароны...

Все это чудным образом мешалось в разговоре г. Амброзия Бепеволо – так назывался мой новый знакомец.

Мы вошли в театр и заняли рядом два порожние места. Давали «Анну Болейну»⁷ Донизетти. Пораженный великолепием спектакля, я не сводил глаз с него. Но вообразите мое удивление, когда в примадонне я узнал ту женщину, которую видел в первую ночь моего приезда в Неаполь. Я не знал, что мне делать: во всяком случае, выйти вон было бы смешно, и могло только возбудить подозрение моих гонителей. Между тем мой товарищ выходил из себя от восхищения; все рулады певицы он повторял всем своим телом, а перед каденцею мало-помалу спускал с себя башмаки, складывал руки, удерживал дыхание, дрожал как в лихорадке и в конце трели в полном беспомоществе вскакивал с места без башмаков, выкрикивал несколько междометий и бил в ладоши изо всей силы. Во время речитатива он успокоивался и снова очень хладнокровно обращался ко мне с вопросами: много ли шуб носят в России? есть ли у меня собрание медалей, как мне нравится *frutti di mare*?⁸ Но едва начиналась новая ария при-

⁷ «Анна Болейн» – опера итальянского композитора Доницетти Гаэтано (1797–1848), либретто Романи. Исполнялась впервые в миланском театре Сан-Карло 26 декабря 1830 года.

⁸ Устрицы (*итал.*).

мадонны, снова Беневоло выходил из себя, спускал башмаки и бил в ладоши. Во всякое другое время меня, холодно-го северного жителя, очень бы забавляло это превращение, тем более что подобные судорожные движения я замечал во многих других местах залы. Но теперь много развлекало меня мое странное свидание с примадонною; во мне боролись желание спросить об ней что-нибудь у нового знакомого и страх, не будет ли это нарушением моей клятвы; мне показалось даже, что примадонна узнала меня и что часто ее глаза невольно поворачивались в мою сторону. Я почти не смел смотреть на нее: сцена суда с ее гробовою музыкой так живо напомнила мне мои приключения, что я почти задохался.

Беневоло посматривал на меня исподлобья, однако ж не сказал ни слова. Я не мог наверное узнать, заметил ли он мое смущение, или нет. Несмотря на то, невольное чувство привлекало меня к синьоре Грандини; она была прекрасна на сцене; несколько резкие черты лица ее смягчались отдалением; в голосе было что-то пронизательное, что-то трогательное – он не был совершенно чист и ясен, но звучен и мягок, как будто подернут бархатом. Однако ж, признаюсь, я очень был рад, когда занавес опустился.

На другой день, проснувшись, я увидел на своем столе записку, но написанную новою для меня рукою:

«Люди, желающие вам добра, не советуют вам ходить в театр Сан-Карло».

Признаюсь, это меня взорвало: я видел себя привязанным

к интриге, которая накладывала цепь на все мои поступки и от которой я никак не мог освободиться. В тот же день я решил оставить Неаполь. Я еще был в размышлении о своих планах, когда у дверей моих услышал, что кто-то трепещущим голосом напевает *Cerca un libo, dove sicuro...* Дверь отворилась: то был Беневоло. Он тотчас подскочил ко мне с расспросами, – как провел я ночь? как мне понравился театр Сан-Карло? пил ли я шоколад? что я думаю о Донизетти, о Беллини?⁹ – и перемешивал свои вопросы восклицаниями *stupendo, stupenda!*¹⁰ нельзя было догадаться, к чему они относились, к музыке, к Донизетти, к Беллини или к шоколаду.

Я не успевал отвечать на его вопросы; да Амброзио и не дожидался ответа; он принес мне целую кучу монет, медалей, показывал мне каждую поодиночке, восхищаясь над каждой, и предлагал мне менять их на русские деньги, какие у меня случились. Это было искусное приглашение ку-

⁹ Беллини Винченцо (1801–1835) – итальянский композитор, автор опер «Норма», «Монтекки и Капулетти», «Пуритане», «Сомнамбула» и др. Верный своему отрицательному отношению к «итальяномании», Одоевский в многочисленных музыкальных статьях с неодобрением отзывается о Беллини, называя его музыку «стукотней», возражая против засилия произведений этого композитора в репертуаре московских театров. Нередко повторял писатель бытовавший в России каламбур о том, что «музыка в Европе взбеллинилась». В своей статье «Концерты» Одоевский писал: «Кому не известно, что Беллини принадлежит несколько счастливых мотивов, но что он самый плохой инструменталист на свете» («Литературные прибавления к „Русскому инвалиду“» 1837, 27 марта, № 13, приложение.)

¹⁰ Изумительно, великолепно (*итал.*).

пить у него некоторые из его редкостей. Чтоб отвязаться от докучливого старика, я променял несколько десятков русских рублевиков, бывших со мною, на его редкости и поспешил отправиться к посланнику за паспортом и моими другими бумагами. В посольстве мне сказали, что прежде нежели мне выдадут паспорт, посольству необходимо будет снести с неаполитанским правительством: это должно было замедлить мой отъезд на несколько дней.

С тех пор я не выходил более никуда. Беневоло не забывал посещать меня; каждый день приносил он мне по-прежнему медали, камеи и забавлял меня, снимая с них слепки с величайшим проворством. Однажды он мне принес позеленевший и почти стертый от времени русский рубль и много и долго говорил мне об его древности, о своих догадках, каким образом за триста лет перед этим мог он быть занесен в Италию. Я прекратил его диссертацию замечанием, что за триста лет не существовало в России круглой монеты. Это замечание его несколько смутило. В другой раз принес он мне несколько мешков разных медалей и просил меня на несколько времени оставить их у меня в комнате, говоря, что он имеет подозрение на некоторых любителей древности, которые хотят украсть у него его сокровища и которые, верно, не пойдут искать их в моей комнате, тем больше что я никуда не выхожу от себя. Я позволил делать что было ему угодно, чтоб только от него отвязаться.

Наконец, к величайшей радости, я получил известие от

одного из моих приятелей, служащих при посольстве, что я завтра могу получить мой паспорт. Я не хотел медлить ни минуты, нанял веттурина и принялся собирать мой небольшой гардероб: в этом занятии застал меня Беневоло: «Вы уже собираетесь! Куда вы едете? верно, в Рим? Не забудьте остановиться в Милане в Амвросиевской библиотеке... Там много редкостей... на театре новая певица... в трактире Albergo geale прекрасный стол», – и проч., и проч. Я продолжал мои занятия, отвечая старику одними междометиями. Не знаю как, перебирая бритвенный ящик, я выронил мой таинственный перстень; он покатился по полу; я нагнулся и столкнулся с Беневоло; он было также протянул руку за перстнем, и когда я, не показывая моей редкости, сжал ее между пальцами, Беневоло побледнел. В жизнь мою не забуду его фигуру в эту минуту; он весь пошел ходенем, локти его приросли к бокам, и между тем он махал обеими руками, подымал то одну ногу, то другую, раскрывал рот, мигал глазами и вытягивал шею.

– Продайте мне этот перстень, – говорил он мне, задыхаясь.

– Нет, не продам, – отвечал я.

– Позвольте мне по крайней мере снять с него слепок.

– И этого не могу.

– Покажите мне по крайней мере его.

– И этого не могу. Приезжайте за ним в Россию, тогда, пожалуй, я вам даже подарю его.

– В Россию, в Россию! – сказал Беневоло, – это невозмож-

но. Да почему вы здесь не можете мне его показать? Разве к вашему перстню привязана какая-нибудь тайна?

– Да! тайна, – отвечал я.

– Хороша тайна! – вскричал Беневоло. – Хотите ли, я расскажу вам, что изображено на вашем перстне: на нем сосуд, змея с львиною головою, мумия с птичьим носом, кругом слова, Уао, не так ли?

– Может быть; но все-таки я вам не могу показать перстня.

– Это странно! – говорил Беневоло, прыгая по комнате, – очень странно! чрезвычайно как странно!.. Так вы не хотите дать мне перстня? – сказал он после некоторого молчания.

– Не могу, – отвечал я с некоторою досадою.

– Решительно не хотите?

– Решительно.

– Нет, скажите правду! Вы в самом деле никак не можете показать мне перстня?

Я отворотился от него молча.

Неотвязчивый старик почел это знаком нерешимости: он забежал ко мне с другой стороны, упер локти в бока и проговорил мне с видом превеличайшего подобострастия:

– Вам, кажется, можно показать мне перстень.

– Вы выводите меня из терпения, – сказал я ему наконец грозным голосом и притопнув ногой.

Беневоло сделал несколько прыжков по комнате, вышел и уже более ко мне не являлся.

Вечеру, когда я ложился спать; в сладкой надежде вы-

ехать наконец из этого не— счастливого для меня города, трактирщик снова явился ко мне с запискою.

— Что еще? — спросил я с гневом, — кто тебе отдал эту записку?

— Незнакомый мне человек, — отвечал он.

Содержание записки имело все право рассердить меня, в ней были только следующие слова:

«Друзья ваши советуют вам, если вы дорожите своею жизнью, не выезжайте из Неаполя в продолжение некоторого времени».

Я проклял моих друзей от чистого сердца. Сперва я подумал, что это была шутка Беневоло; но почерк руки был одинаковый с тою запискою, которую я получил еще до знакомства с ним; однако ж, несмотря ни на что, я решился во что бы то ни стало выехать из Неаполя и даже из Италии, которая уже мне опротивела.

На другой день я поспешил за моим паспортом, но едва вошел в канцелярию посланника, меня тотчас позвали к нему в кабинет. Посланник принял меня с таким видом, который не на шутку испугал меня.

— К величайшему моему сожалению, — сказал он, — я не могу вам выдать вашего паспорта. Напротив, я должен пригласить вас явиться в здешний суд. Ваше дело запуталось новыми обстоятельствами; оно так странно, что я не могу верить вашему в нем участию, и вместе так важно, что не могу отказать здешнему правительству. Вам, может быть, уже из-

вестно, что одна из певиц здешнего театра, Евлалия Грандини пропала без вести. Она была очень любима здешнею публикою, и общее беспокойство об ее участи заставляет полицию принимать строжайшие меры.

– Я так мало выходил из дому, что даже в первый раз слышу об этом.

– Однако ж у вас видели кольцо или перстень, принадлежавший этой актрисе, – сказал мне посланник, устремив на меня пронизательный взор.

Я невольно смутился, однако ж, собрав все свои силы, решился открыть посланнику ту часть тайны, в сохранении которой я не был обязан честным словом.

– Действительно, – сказал я, – я получил какой-то перстень, но не знаю от кого.

– С какими-то мистическими знаками и с надписью Уао? – сказал посланник.

– Точно так, – отвечал я.

– Это очень странно; по бумагам я вижу, что этот перстень принадлежал какому-то тайному обществу, которое очень дорожило им и которого члены подвергаются теперь преследованиям правительства.

Я объяснил посланнику, каким образом достался мне этот перстень.

– Действительно, – сказал он мне, – здешнее правительство предполагает какую-то связь между этим обстоятельством и похищением Грандини, как равно и с умерщвлением

полицейского офицера. Этого мало, – продолжал посланник – вас обвиняют в связи с каким-то Амброзио Беневоло, подозреваемым в делании фальшивой монеты.

Руки у меня опустились.

– Я уверен, – продолжал посланник, – что вы оправдаетесь от взводимых на вас обвинении, но долг мой заставляет меня выдать вас неаполитанскому правительству. Не пеняйте на меня за это; поставьте самого себя на мое место, – вы бы поступили так же. Я имею все нравственное убеждение в вашей невинности, но юридического, благодаря вашей скромности, никакого.

Я благодарил посланника за его истинно отеческое во мне участие, но с твердостью повторил, что я лучше подвергнусь всем возможным неприятностям, нежели изменю торжественно данному мной честному слову.

Посланник, как я уже сказал, был человек благородный; он совершенно понял меня, обещал употребить все с своей стороны, чтобы вывести меня из моего неприятного положения, и засим... предложил мне снова сообщество жандармского офицера.

Я не буду более вам скучать рассказом о моих переговорах с допрашивавшими меня судьями: это было бы повторение почти тех же обстоятельств, которые вы уже знаете; прибавлю только, что все расспросы нимало не объяснили мне самому моей тайны.

Ясно было одно, что дело хотели кончить ничем: все пред-

ложенные мне вопросы были как будто лишь приготовительные, неопределенные, поверхностные, иногда странные до невероятности; меня спрашивали о всех мелочах моей частной жизни, в котором часу я встаю, что я делаю поутру, что вечером, знаю ли я древние языки, умею ли рисовать... Из всего этого я, однако же, понял, что Беневоло был на меня доносчиком: но каким образом он сам попал в обвиненные? Между тем прошло более трех недель; каждый день я приготовлялся к чему-нибудь решительному, и наконец, к несказанному моему удовольствию и удивлению, объявили мне, что я свободен. Мне возвратили мои вещи, которые были у меня забраны в продолжение процесса, за исключением перстня; об нем я мало сожалел, и, что всего для меня было усладительней, я получил наконец позволение выехать на Неаполя.

С тех пор я почти год проездил по Италии совершенно спокойно, и наконец, посреди рассеянной жизни путешественника, почти забыл о моем неаполитанском приключении.

Однажды в Венеции, на бале у графини Грациани, я увидел женщину в голубом платье, которая промелькнула мимо меня в другом контрадансе. Лицо ее мне показалось знакомым: я спросил об ее имени у танцевавшей со мной дамы. Эти предосторожности необходимы для путешественника: так много встречаешь лиц, так быстро являются и исчезают они перед глазами, что всегда рискуешь заговорить с

незнакомую дамой и пройти мимо той, у которой бывал в доме.

– О, это знаменитая графиня Лукенсини!

– Знаменитая! Почему? – спросил я.

– Это женщина большого характера, – отвечала она. – Берегитесь попасть в ее сети. Она пятнадцати лет умела выйти замуж за своего учителя; между тем обещать свою руку другому молодому человеку; в продолжение шести лет скрывать свой брак; обмануть опекуна; наконец развестись с мужем и выйти за другого и все носить имя своего мужа.

– Но как же? – сказал я моей даме, – разве ее учителем был граф Лукенсини?

– Так точно, – отвечала мне дама. – Граф Лукенсини был сын того Лукенсини, который, как, может быть, вы слышали, погиб на эшафоте; имение его было конфисковано, и сын принужден был давать уроки.

– Нельзя, однако ж, обвинять бедную графиню, – сказала другая дама, вслушавшись в наш разговор, – мать ее была женщина странного нрава, который сделался несноснее от ее беспрестанной болезни; бедная графиня до самой ее смерти принуждена была жить совершенною затворницею; единственные люди, которых она видела, были ее учителя: мудрено ли, что она влюбилась в того из них, который был молод, прекрасен и в тесные сношения учителя с ученицею умел внести все очарования светского человека? Он влюбился в нее, она в него. Но как мать никогда бы не согласилась

на брак ее с таким человеком, то что удивительного, что она решилась обвенчаться с ним тайно?

Контраданс кончился; я раскланялся с моей дамой и невольно обратил глаза на графиню, чтоб вспомнить, кого она мне напоминала. Сверх того, взор мужчины всегда невольно останавливается на женщине, имевшей довольно твердости духа, чтоб презреть мнение общества: она возбуждает любопытство, смешанное с каким-то невольным уважением. Ум невольно вспоминает о борьбе, которую должна была претерпеть эта женщина с самой собою и со всем ее окружающим, а сердце воображает те страдания, которые пришлось ей перенести, чтоб избавиться от других, еще жесточайших страданий.

Все эти мысли толпились в голове моей, когда я смотрел на графиню, и мне показалось, что я обратил на себя ее внимание. Действительно, она также стала всматриваться в меня, и когда я проходил мимо ее, она мне сказала: «Signore!..»¹¹

Я остановился: голос ее поразил меня.

– Вы, кажется, не узнаете меня? – продолжала она. Я отступил шаг назад, ибо мне показалось, что передо мною стояла синьора Грандини. Минуты волнения, в которые я ее видел, вместе с прической, – тогда только дамы начали поднимать волосы вверх, – помешала мне узнать ее в первое мгновение.

¹¹ Господин! (итал.)

– Я не знаю, – сказал я, – должен ли я узнавать вас.

– О, будьте спокойны! – отвечала мне графиня с улыбкою. – Те, которые наложили на вас страшную клятву, почти не существуют. Я имею полное право разрешить вас от всех ваших клятв. Если хотите узнать больше, то приезжайте ко мне завтра вечером. Надобно, чтоб вы были награждены за то унижительное положение, в котором вы находились по моей милости. Кстати, – продолжала она, – скажите, пригодился ли вам мой перстень?

– Ваш перстень? с мистическими знаками? остался в руках неаполитанского правительства.

– Верно, этот бездельник Беневоло им воспользовался.

– Так вы знали Беневоло?

– Беневоло? – повторила она с улыбкой. – Завтра вам все объяснится.

На другой день, в назначенный час, я поспешил к графине Лукенсини и сначала был очень удивлен, когда швейцар сказал мне, что графиня не принимает; но когда я назвал себя, швейцар немедленно позвонил в колокольчик, и двери отворились предо мной. Я прошел ряд великолепных комнат, роскошно и со вкусом убранных. Графиня ожидала меня в павильоне, находившемся в конце дома, и которого балкон выходил с одной стороны на Canal Grande, а с другой на пустую площадку. Она сидела в легком кисейном платье на диване, окруженном цветущими померанцами, и показала мне место подле себя.

– Вы должны знать, что вы мой избавитель, – сказала она.

– Ваш избавитель? – повторил я.

– Да; без вас я бы, может быть, должна была распрощаться с жизнью. Вы, сами того не зная, развязали узел в моем существовании. Я думаю, уже вам рассказали мою историю прежде. Ее все рассказывают с разными нелепыми прибавлениями. Я не буду оправдывать себя перед вами. Скажу вам только одно: мне нельзя было не выйти замуж за Лукенсини, потому что меня преследовал тот самый Беневоло, которого вы знаете. Пользуясь болезнью моей матери, живя в нашем доме, где он занимал должность сначала учителя, потом майордома, Амброзио не давал мне минуты покоя. Лукенсини был молод и прекрасен. Беневоло был почти всегда таким, как вы его видели. Я предпочла первого. Долго мне рассказывать вам мою историю; на моего тайного мужа пало подозрение, которому причиною были связи его отца. Желая открыть себе какую-нибудь дорогу, он после женитьбы отправился искать счастья в России. На место его явился ко мне новый обожатель: мой дальний родственник Леонардо Амати. Вам уж, верно, рассказывали, что я обещала ему выйти за него замуж. Это правда; но вот как это случилось. С помощью хитрого своего отца и матушкина духовника он успел до того довести мою матушку физически и нравственно расстроенную, что она при последнем издыхании потребовала от меня, чтоб я вышла за Леонардо. В минуту горести я ей все обещала; матушка скончалась, и в остав-

ленном ею завещании она назначила Венчемио Амати, отца Леонардова, опекуном надо мною и над всем моим огромным именем. После первой горести, произведенной во мне кончиной матушки, Леонардо стал мне напоминать о моем обещании. Я решительно объявила, что уже замужем. Это открытие взбесило Леонардо и отца его, которые надеялись посредством брака навсегда завладеть моим именем; они употребили все возможные средства, чтобы заставить меня расторгнуть брак с Лукенсини. Одаренная от природы характером решительным, я убежала из Венеции, переменяла имя, и синьора Грандини явилась на разных театрах Италии, – при шуме рукоплесканий и окруженная толпою обожателей. Большие деньги, которые я получала моим талантом, доставляли мне средства уничтожать все происки Амати для расторжения моего брака. Между тем мой род жизни мне так понравился, что я скоро забыла моего мужа; да и он, кажется, забыл обо мне. Мой опекун после тщетных исканий нашел меня наконец в Неаполе: я тогда еще не достигла до совершеннолетия, и опекун сохранил еще всю власть надо мною; он выхлопотал ложное свидетельство о кончине моего мужа и настоятельно требовал исполнения моего обещания. Я знала, что это неправда, потому что почти в то же время получила письмо от графа, в котором он уведомлял меня, что наконец ему удалось уверить правительство в своей невинности и что он возвращается в Италию. Я притворилась, будто верю моим гонителям, надела на себя

черное платье вдовы, позволила обить мою комнату черным сукном – для того только, чтоб выиграть время, потому что уже недолго оставалось до моего совершеннолетия; но хитрый Амати угадал мое притворство и узнал в то же время, что Лукенсини находился на первом пароходе, который должен был приехать в Неаполь. Для Амати это была минута решительная; он видел, что я ускользала от него, но не хотел заставить меня торжествовать без отмщенья; может быть, он надеялся, что по смерти мужа я буду к нему благосклоннее; может быть, также, хотел он испугать нас обоих и дать нам на выбор смерть или замужество с Леонардом. Я никогда не могла понять хорошо его намерения: может, это было просто внушение его дикого калабрского характера. Вам известно средство, которое он употребил для достижения своей цели. Отдаленный дом, в котором мы жили, подкупленные слуги – все, казалось, должно было им способствовать, но провидение употребило вас средством для уничтожения этого замысла. Когда после нашего с вами свидания он увез вас с собою, я решилась во что бы то ни стало выйти из-под власти моих мучителей, так как мое имение было главнейшею причиною их преследования, я воспользовалась смущением старого Амати и предложила ему вроде выкупа все мое имение. Он без труда согласился. Недоставало двух дней до моего совершеннолетия, и я подписала передним числом бумагу, в которой, изъявив благодарность Амати за прекрасное управление моим имением, объявляла себя ему должною в

значительной сумме денег. Между тем возвратился Леонардо в изодранном платье, весь мокрый и в величайшем волнении. Он согласился на все. Я тогда заметила в нем что-то странное, но еще не могла узнать, что с ним случилось, потому что в ту же минуту оставила их и явилась снова на сцене. Уже впоследствии, когда разнесся слух об убийстве полицейского чиновника, мне пришла в голову мысль, что в этом случае должен был участвовать Леонардо. Действительно, месяц спустя один из слуг его объявил все правительству. Леонардо погиб на эшафоте, отец его умер с отчаяния. Полицейский служитель попал в это приключение по несчастному случаю. В нашей стороне были разные воровства; заметив также в лодке Леонардо что-то подозрительное, полицейский чиновник, увлекаемый ревностью к своему ремеслу, решился скрыться под парусом, чтоб узнать что-нибудь верное. Все это я узнала впоследствии, когда до меня дошли слухи об арестовании Леонардо: не имея чем жить, я снова вступила на театр в Неаполе, под именем Грандини.

Графиня остановилась.

– Я вам рассказала, – продолжала она, – все, что было любопытного для вас в моей истории. Прибавлю вам только то, что мое имение снова возвратилось ко мне, мы свиделись с графом и оба заметили друг в друге такое равнодушие, что без труда решились расстаться. Он хлопочет теперь в Риме об уничтожении нашего брака.

– Благодарю вас, графиня, но для меня в истории осталось

еще лицо непонятное – Беневоло.

– Беневоло! – повторила с важным видом графиня, – на это ничего не могу вам сказать в сию минуту. Если вы хотите что-нибудь узнать об нем, то выйдите из моего дома, пройдите по всем комнатам, сядьте в лодку, возвратитесь сюда этим переулком и войдите ко мне через этот балкон: вам будет спущена лестница.

Я был в нерешимости; но графиня так улыбнулась, с таким видом подала мне руку, что я не мог отказать ей.

Я исполнил в точности все ее приказания; но признаюсь, сердце мое было не совсем на месте, когда я стал взбираться по веревочной лестнице, спущенной мне с балкона. Я застал графиню в том же легком платье; она встретила меня с улыбкою и показала мне дверь небольшого кабинета. Вошедши в него, я увидел все принадлежности мужского ночного туалета и не замедлил ими воспользоваться. Когда я выглянул из двери, графиня захохотала и показала мне место на диване возле себя, позвонила в колокольчик и положила на стул пару пистолетов.

– Что это значит? – спросил я у нее.

– Это необходимо, – сказала мне графиня важным тоном.

Я задумался и невольно осмотрел курки пистолетов. Дверь отворилась, Беневоло вбежал в комнату.

– Амвразио! – сказала ему графиня, – знаешь ли ты этого молодого человека?

Беневоло затрясся всем телом.

– Ты видишь, Амвросио, я оставила одного мужа, отказалась от другого, вот у меня третий, а все не ты! Бедный Амвросио! Но теперь дело не о том: ты знаешь все, что ты сделал против этого молодого человека; он требует у меня отпущения; твоя последняя минута наступила, – признавайся. Допрашивайте его, граф, – сказала она, обратившись ко мне.

Я не мог смотреть без смеха на Беневоло, но с тем вместе он возбуждал во мне невольное сожаление. Графиня заметила во мне это чувство и сказала:

– О, как вы добры, граф, вы еще об нем жалеете! Вы не знаете, что он за человек! Этого мало, что он осмелился влюбиться в меня, – нет! взбешенный неудачею, он перешел на сторону моих врагов, он помогал Амати, он был от них подослан к вам шпионом, писал к вам записки; он препятствовал мне видеться с вами, ибо Леонардо боялся, чтоб наше свидание не открыло его преступления. Этого мало: когда он узнал, что у вас находится мой перстень, которого он долгое время от меня добивался, он решился взвести на вас нелепый донос в моем похищении, чтоб между судейскими интригами воспользоваться этой редкостью... Ведь вы верно знаете, – он любитель древностей?

– Он, кажется, – заметил я, – больше любитель денег, нежели древностей: он сам был остановлен за делание фальшивой монеты.

– О нет! – сказала графиня, – на это у него и недостало бы духа. Правда, он делал фальшивую монету, только не но-

вую, а древнюю; он занимался самым невинным ремеслом – выдумывал небывалых царей или делал подражания редким медалям и приводил в отчаяние антиквариев.

Амвросио трясся всем телом и только изредка проговаривал:

– Pregiotissima signora!.. Signor conte!¹²

Наконец, когда графиня замолчала, он вскричал со слезами на глазах:

– Все это правда, совершенная правда; но вспомните, что я спас жизнь русского графа.

– Да, это правда. Помните лицо, которое выглянуло из-за двери в первое наше свидание: за это, кажется, можно простить его, граф, – как вы думаете?

Мне так был жалок бедный Амвросио, что я стал просить графиню окончить эту шутку.

– Благодарю графа и ступай вон, – сказала синьора, – а завтра поутру сочини мне сонет на это приключение.

Беневоло бросился к ней в ноги и выскочил из комнаты.

– Он добрый старик, – продолжала графиня, обратясь ко мне, – то есть пока его держишь в руках. Он до сих пор влюблен в меня без памяти; я сама привыкла к нему, как к постельной собачке. Он беспрестанно рисует мои силуэты, пишет в честь мне стихи и бывает вне себя от восхищения, когда я ему позволю поцеловать мои пальчик. Я хотела, граф, доставить вам это маленькое удовольствие, ибо никогда бы

¹² Наидостойнейшая синьора! Синьор граф! (*итал.*)

не простила себе, чтоб за меня благородный человек подвергся оскорблению и остался неотмщенным. Если б Леонардо был жив, я бы непременно доставила вам с ним свидание; но это, к сожалению, невозможно. Теперь ваша роль кончилась. Прощайте!

– Как! – сказал я графине, – мне опять идти одеваться? Опять спускаться с балкона в эту темную, дождливую ночь?..